

**Периферийные глаголы в значении движения в хакасском языке:
семантика и функционирование**

М. Д. Чертыкова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

Аннотация

На основе структурно-семантического и функционального анализа выявлены и описаны экспрессивные глаголы со значением движения в хакасском языке, находящиеся на периферии лексико-семантической группы глаголов со значением движения. Семантика движения в содержании рассматриваемых глаголов выражается при помощи различных средств, среди которых особо выделяются сочетания глаголов поведения с базовыми глаголами движения *пар-* 'идти, уходить', *кил-* 'приходить', *чөр-* 'ходить', сочетания многозначных глаголов с зависимыми лексемами локативной семантики, оформление звукоподражательных основ аффиксом понудительного залога *-т-*, смена субъекта процесса. Сочетание глагола поведения с вспомогательным глаголом *хал-* 'оставаться' (чаще в прошедшем времени) также дает значение «движение». Все эти функционально-семантические и грамматические свойства данных глаголов способствуют их переходу в разряд экспрессивов, реализующих значение образного движения субъекта. Несмотря на частотность реализации в разговорно-бытовом общении и в художественной литературе, сема 'движение' для данных глаголов в лексикографических источниках не зафиксирована. В зависимости от контекста экспрессивные слова характеризуются семантической изменчивостью, что ведет к неоднозначной интерпретации их семантики.

Ключевые слова

хакасский язык, глаголы, выражающие движение, экспрессивы, структура, семантика, сочетаемость, лексико-семантический вариант, функционирование

Для цитирования

Чертыкова М. Д. Периферийные глаголы в значении движения в хакасском языке: семантика и функционирование // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 24–40. DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-24-40

**Peripheral verbs in the meaning of movement in the Khakass language:
semantics and functioning**

M. D. Chertykova

*Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology
of the Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation*

Abstract

The article analyses the functionality and semantics of the Khakass expressive verbs being on the periphery of the lexico-semantic group of movement. These verbs are common for native speakers' everyday speech and acquire the

© М. Д. Чертыкова, 2023

meaning of movement when used in a particular context. Their semantics is complex, with emotional, evaluative and figurative elements intersecting and overlapping with each other. The meaning of movement can be acquired in different ways. Firstly, verbs with the meaning of behavior can combine with verbs of movement. Secondly, polysemous verbs can be combined with dependent lexemes of locative semantics. Lastly, onomatopoeic verbs in secondary lexical and semantic versions can be formed by adding the forced voice affix *-t-*. All these functional-semantic and grammatical properties contribute to the transition to the category of expressives denoting the subject's figurative movement. Almost all verbs expressing the subject's movement in their secondary lexical and semantic versions originate from verbs with neutral semantics. The expressiveness in certain word-formation and combinational models is lexically motivated, with a significant focus on imagery. Despite being frequently used, many of these verbs are missing in lexicographical sources, and for those that are listed, no information on their sense of "movement" is provided. The situation is complicated by contextual ambiguity of expressive words. Given that the abundance of expressive vocabulary in everyday conversation indicates a reliable native language proficiency and guarantees the preservation and development of the Khakass language, further lexicographic projects should take into account all the semantic and expressive nuances.

Keywords

Khakass language, verbs of motion, expressives, structure, semantics, compatibility, the lexical and semantic version, functioning

For citation

Chertykova M. D. [Periferiynye glagoly v znachenii dvizheniya v khakasskom yazyke: semantika i funktsionirovanie] Peripheral verbs in the meaning of movement in the Khakass language: semantics and functioning. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 4 (iss. 48), pp. 24–40. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-4-24-40

*Посвящаю светлой памяти моего Учителя –
профессора Майи Ивановны Черемисиной*

Введение

Понятие «движение» предполагает изменение формы бытия в пространстве. Под данным термином можно понимать «...все происходящие во Вселенной изменения и процессы, начиная с простого перемещения и заканчивая мышлением» [Ярема, 2008, с. 59]. В языковом выражении столь обширного понимания концепта «движение» выделяется отдельная группа лексических единиц с общим значением «физическое перемещение живого объекта», которая чаще вербализуется в глагольной форме. «Обязательными компонентами их семантической структуры является указание на начальную и конечную точки движения, а также трассу, по которой совершается движение / перемещение» [Тюнтешева, Шагдурова, Озонава, Байыр-оол, 2022, с. 246]. Глаголы со значением движения как отдельный класс выделены еще в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова [Ломоносов, 1755], а также в «Русской грамматике» А. Х. Востокова [Востоков, 1831]. А. Х. Востоков среди прочих семантических типов глаголов (мысли, речи и др.) выделяет и глаголы движения при рассмотрении падежей и предлогов в русском языке, т. е. по грамматическим признакам [Востоков, 1831, с. 338–343]. В дальнейшем грамматические и семантические особенности глаголов движения обсуждались в учениях А. А. Потемни, В. А. Богородского, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и мн. др.

Тематической группе глаголов движения посвящено множество работ на материале разнотурных языков. Специальные работы в виде диссертационных исследований на данную тему стали активно появляться в середине прошлого века [Чешко, 1947; Безруков, 1955; Булатова 1964; и др.]. В тюркских языках глаголы движения впервые получили научное освещение в работах Э. Р. Тенишева [Тенишев, 1961], В. Ф. Вещиловой [Вещилова, 1962], Н. К. Дмитриева [Дмитриев, 1962], К. Халикова [Халиков, 1967]. Исследование глаголов со значением движения продолжается и в настоящее время: с функционально-семантических, синтаксических, грамматических позиций обсуждаются способы выражения направления движения, скорости и характеристики движения [Псянчин, 1990; Барыс-Хоо, 2006; Чугунекова, 2002; Тюнтешева, Шагдурова, 2021; и др.]. Во всех этих работах анализу подвергаются в основном стилистически нейтральные глаголы с общим значением движения. На материале сибирских тюркских языков тщательный функционально-

семантический и сравнительный анализ получили глаголы движения и перемещения жидкостей и сыпучих предметов [Тюнтешева, Шагдурова, Озонава, Байыр-оол, 2022].

Однако до сих пор в тюркских языках (в том числе и в хакасском) за пределами исследовательского внимания остается целый класс глаголов с экспрессивной семантикой движения. Они встречаются не только в разговорно-бытовом общении носителей языка, но и в юмористических рассказах и художественных произведениях, где используются в основном в речи персонажей. С теоретической точки зрения семантика этих глаголов сложна и многогранна, в ней содержатся эмоционально-оценочные, образные коннотации (добавочные элементы), которые перекрещиваются и наслаиваются друг на друга. При этом все эти стилистические, эмоциональные, оценочные, ситуативно-прагматические, образно-ассоциативные напластования в содержании слова предстают как структурированное явление. Подобные языковые явления, характеризующиеся набором коммуникативных коннотаций, мы называем экспрессивными, поскольку экспрессивность – широкое понятие, включающее в частности эмотивность и оценочность. Помимо этих дополнительных оттенков, экспрессивам придают красочность и выразительность прагматические, ассоциативные и просодические факторы, выражающиеся в особенностях сферы их использования, а также фоновые и пропозициональные знания носителей языка.

Несмотря на обилие работ по проблематике экспрессивности слов как самостоятельной лингвистической категории в русистике, на которую опираются тюркские исследования, данное научное направление до сих пор остается открытым и до конца не изученным. Весомый вклад в изучение экспрессивности и эмоциональности лексики на материале русского и других разноструктурных языков внесли Н. А. Лукьянова и М. И. Черемисина. Среди множества подходов к изучению данного сложного пласта языковой системы ими были выделены, как наиболее радикальные, семантико-стилистический и функционально-семантический подходы [Черемисина, 1979; Лукьянова, 1986; Лукьянова, Черемисина, 1986]. Среди сибирских тюркских языков на сегодняшний день только якутские экспрессивы становились объектом специального исследования в диссертационном исследовании А. М. Николаевой, где описаны основные лексические средства выражения экспрессивности [Николаева, 2006]. Глаголы с образно-характеризующим значением в тюркских языках Сибири (алтайском, хакасском) и в кыпчакских языках (киргизском, казахском, башкирском) получили сравнительное освещение в работе О. Ю. Шагдуровой и Е. В. Тюнтешевой, где авторы выявили достаточно большое количество их монгольских соответствий [Шагдурова, Тюнтешева, 2021]. В хакасском языке данная тема затрагивалась в работах О. Ю. Шагдуровой [Шагдурова, 2012 а, 2012 б] и М. Д. Чертыковой [Чертыкова, 2021].

Цель нашего исследования – выявление и описание прагматико-семантических и функциональных признаков экспрессивных глаголов, обозначающих процесс движения в хакасском языке.

Материалом для исследования послужили примеры, иллюстрирующие процесс движения экспрессивными глаголами, собранные методом сплошной выборки из произведений хакасских писателей. Всего в нашей картотеке насчитывается около 60 лексических единиц, выражающих понятие «движение» через самые тонкие оттенки чувств, настроений, оценок и отношений. Данную цифру мы не считаем окончательной, поскольку возможности языка как живого организма безграничны и неиссякаемы. Также отметим, что правильное восприятие содержания экспрессивов доступны лишь языковым личностям, достаточно хорошо владеющим тем или иным языком. Полное представление о логико-ассоциативном объеме слов на интуитивном и чувственном уровнях и образные элементы нашего мышления создают совокупную сеть свободного и непринужденного использования безграничных возможностей языка.

В хакасском языке А. Н. Чугунекова рассматривает 150 глаголов движения с точки зрения их семантических и синтаксических связей [Чугунекова, 2002]. Мы же выделяем отдельную периферийную лексико-семантическую группу глаголов движения, в семантике которых содержатся коннотативные элементы, благодаря чему они широко используются в разговорно-бытовой речи, в юмористических рассказах, а также в устах персонажей художественной литературы. Подобные глаголы, как правило, не отражаются в лексикографических источниках. При этом их исследование перспективно, поскольку функционально-семантические возможности таких глаголов ориентированы на актуализацию скрытых языковых возможностей.

Сочетаемость экспрессивных глаголов с глаголами движения

В любом языке глаголы данного типа представляют собой богатую систему, основанную на образно-ассоциативных, субъективно-оценочных и метафорических компонентах, за счет чего сема движения в них уходит на второй план. Чаще эти глаголы выражают манеру и походку передвижения одушевленного субъекта.

Подробное описание состояния изученности подобных глаголов в разноструктурных языках представлено в статье Ф. М. Лельховой «Глаголы образной характеристики движения в хантыйском языке (на материале сынского диалекта)» [Лельхова, 2017]. В классификациях глаголов движения тюркских языков глаголы со значением образной характеристики движения принято выделять в отдельную группу [Васильева, 1980; Иштанова, 2002; Барыс-Хоо, 2006 и др.].

В семантической классификации хакасских глаголов движения А. Н. Чугунекова выделяет раздел «Глаголы, характеризующие движение человека», где отмечены «глаголы, характеризующие движение человека, с пояснением отличительных признаков его внешнего облика (*ахсаңна*- ‘передвигаться, прихрамывая, ковыляя’; *сібіреңне*- ‘идти мелкими шагами’ и т. д.)» и «глаголы, характеризующие передвижение человека по походке, манере двигаться (*олаңна*- ‘идти, качаясь из стороны в сторону’, *чорбаңна*- ‘семенить’)» [Чугунекова, 2002, с. 54–55]. Как правило, эти глаголы образуются путем присоединения к образной основе аффикса *-ңна*, который добавляет в семантику процесса периодичность и учащение действия. Данный показатель является характерным для образных глаголов и в других тюркских языках: О. Ю. Шагдурова и Е. В. Тюттешева выявили около 30 соответствий образных глаголов в алтайском, хакасском и кыпчакских языках, оканчивающихся на *-ңна* / *-нда* / *-нла* [Шагдурова, Тюттешева, 2021, с. 245]. Среди глаголов с таким аффиксом в основе мы выделяем:

а) глаголы, выражающие образное движение в первичном лексико-семантическом варианте (далее ЛСВ):

чорбаңна- ‘ходить мелкими шажками, семенить: *Хайдар иде сассалар, андар чорбаңнапчам* [К, 1991, с. 216] ‘В какую сторону толкнут меня, туда и семеню’;

тойтаңна- ‘топать, идти нетвердо (о ребенке); ходить частыми мелкими шаркающими шагами; семенить (о старых людях)’ [ХРС, 2006, с. 641]: «*О, изен, Конаң харындас!*» – *өрін парған ол кізі. Минзер, ырсайып ала, тойтаңнап одыр* [Хт, 1995, с. 39] ‘«О, здравствуй, брат Конан!» – обрадовался тот человек. И, скалясь, семенит в мою сторону (ко мне)’; *Харам апсах хапчыгай ла оортах тойтаңнапча* [Хө, 2014, с. 164] ‘Старик Харам поскорее топает прочь’;

талтаңна- ‘двигаться неуклюже; ходить, неуверенно ступая (то падая, то поднимаясь – чаще о ребенке)’ [ХРС, 2006, с. 584]: *Харам апсах тимір чол вокзалынзар талтаңнаан* [Хө, 2014, с. 153] ‘Старик Харам топал в сторону железнодорожного вокзала’; *Ол, оохтап ала, хайдар-да индире алдыра талтаңни халган* [То, 1977, с. 73] ‘Он, охая, потопал куда-то вниз [по реке]’. А. Н. Чугунекова дает следующее толкование данному глаголу: ‘идти, переваливаясь с боку на бок’ и ‘ходить то падая, то поднимаясь (выражает передвижение ребенка)’ [Чугунекова, 2002, с. 54]. Подобные разночтения в толкованиях возможны, поскольку значения экспрессивной лексики характеризуются неконкретностью и обобщенностью выражаемого понятия, что связано с тем, что «смысловой центр тяжести приходится именно на субъективную оценку, ведь не оценочная номинация соответствующего объекта в языке уже создана. Переакцентировка значимости не может не оказывать влияния на своеобразие денотативного компонента лексического значения экспрессивного слова» [Матвеева, 2013, с. 11]. У таких слов назывная функция не главная, а их специальное предназначение – характеризовать выражаемый процесс с точки зрения субъективно-оценочного восприятия. Обычно такие глаголы получают конкретизацию в контексте. Тем самым, будучи субъективно ориентированными, такие глаголы гораздо более контекстны, чем нейтральные;

б) глаголы, выражающие образное движение во вторичном ЛСВ:

талбаңна- ‘1) колыхаться, сотрясаться, развеиваться; *пұр чирзер, талбаңнап, тўсче* лист, развеиваясь, падает на землю; 2) *перен.* идти быстро и неуклюже, размахивая руками...; 3) *перен.* проявлять бурное чувство радости при появлении кого-л. (чаще о ребенке)’ [ХРС, 2006, с. 583]: *Пиреде, тайлыгып, тротуарны сыбыр парыбысчам. Турып, пазох алнынзар талбаңнапчам* [Хө, 2014, с. 140] ‘Иногда, скользя, выметаю [с собой] тротуар. Поднимаюсь, плетусь дальше’;

чайхаңна- ‘1) покачиваться; раскачиваться; *стол чайхаңнапча* стол покачивается; 2) шагать вразвалку; идти покачиваясь; *ирен чайхаңнап парир* мужчина идет, покачиваясь’ [ХРС, 2006, с. 928]: «Хайдаг чохсы хыс полган, таныбас таа кизіні ибінзер апарча», – сагын парча Харам апсах, ол хызычакхтың соонча **чайхаңнап** [Хө, 2014, с. 154] ‘«Какая хорошая девушка, оказывается, даже незнакомого человека ведет к себе домой», – думает старик Харам, идет, покачиваясь, за той девушкой следом’.

Особенность таких глаголов, выражающих образное движение как в первичном, так и во вторичном ЛСВ, заключается в том, что в форме деепричастия они могут сочетаться с другими глаголами движения, например: *талбаңнап пар-* ‘идти, размахивая руками’, *талтаңнап кил-* ‘подойти неуверенной походкой’, *чорбаңнап чөр-* ‘идти мелкими шажками, семенить’ и т. д.: *Инейек чуртына чорбаңнап ала читкен* ‘Старушка, **семеня, добралась** до своего дома’ [ХРС, 2006, с. 990]; *...иче-паба төрүт салчалар, азырап-сугарчалар, кирек полза, тонандырчалар, а тонандырбаза, улуг өскенче, ыстан чох тойтаңнап чөрчезің* [Хө, 2014, с. 103] ‘...родители производят на свет, кормят-поят, если надо, одевают, а если не одевают, так и до взрослого состояния так и **топаешь** без штанов’. В семантике приведенных глаголов в первую очередь акцентируется образность движения, хотя признак «движение» у них является первичным.

Образное движение субъекта выражается также сочетанием глаголов со значением поведения с нейтральными глаголами движения *чөр-* ‘ходить’, *пар-* ‘ходить’, *кил-* ‘приходить’ и др., за счет взаимодействия содержательных признаков которых передается субъективное обозначение манеры движения и поведения, а также характеристики походки, например, *ырбаңна-* ‘разг., груб. 1) гримасничать; ср. *ырбай-*...; 2) насмехаться, язвить...’ [ХРС, 2006, с. 1044]: *Ікі хыс ырбаңнас парирлар. Ікізінің дее пастарында норка пөріктер* [Хт, 1995, с. 44] ‘Две девушки **идут кокетливой походкой**. У обеих на головах норковые шапки’.

Встречаются также глаголы поведения, которые, помимо сочетания с глаголом движения, усиливают сему движения за счет сочетания с пространственным распространителем, указывающим на трассу движения: *содаңна-* ‘1) *неодобр.* носить короткую одежду; 2) *перен.* хвастаться, бахвалиться’ [ХРС, 2006, с. 487]: *Пір азагын ах бинттең прай сулған салтыр. Саар азагынаң хайдар-да содаңнап парир* [Хт, 1995, с. 39] ‘Одну ногу замотал бинтом, оказывается. Одной ногой куда-то **завихлял**’.

Иногда в качестве вспомогательного глагола используется глагол *хал-* ‘оставаться’, вносящий в семантику сложного глагола оттенок завершенности действия и геолокации говорящего: субъект ушел окончательно, а говорящий остался, например, *хойбаңна-* ‘1) *прям.* и *перен.* вилять; *сынны чоохта, хойбаңнаба* не виляй, скажи правду; 2) *извиваться* (о змее); 3) *увиливать, уклоняться* от чего-л.; *тогыстаң хойбаңнирга* увиливать от работы’ [ХРС, 2006, с. 835]: *Ипчим пір-ікі ле тонаныбысхан, тахаларынаң «тош-таш» тохладып, хойбаңни халған ааллап, а мин, тізең, ибде одыр халғам* [Хт, 1995, с. 42] ‘[Моя] жена оделась раз-два, цокая каблуками, **ушла, виляя задом**, а я остался дома’; [Николай] *араға тілірге хойбаңни халған* [Хт, 1995, с. 49] ‘[Николай] **ушел [кокетливой походкой]** в поисках водки’.

Помимо сочетания глаголов поведения (в форме деепричастия) с основными глаголами движения, семантика движения субъекта формируется также путем их сочетания с именами, указывающими на место, например, *мында* ‘здесь’, *хайдар-да* ‘куда-то’, *алнынзар* ‘вперед’, *конторазар* ‘в контору’ и т. д. Как показывает словарная статья глагола *салбаңна-* ‘1) висеть (свисая); *агаста салбаңнирга* висеть на дереве; 2) тащиться по земле, по полу (об одежде); *кискен кибі салбаңнапча* одежда на нем висит [ХРС, 2006, с. 436], субъектом действия является предмет. Однако при сочетании с одушевленным именем, данный глагол приобретает переносное значение: *Анымчохтазып алып, аннаң андар салбаңнап пар сыххан Койкан харындас* [Хт, 1995, с. 41] ‘Попрощавшись, брат Койкан стал **плестись** дальше’; *Хат аларға ба, талбах? Ырбаңнап чөрчезің мында!* [Кча, 2012, с. 244] ‘Что, жениться захотел, ничтожество? **Ходишь кокетничаешь** тут!’.

Отметим, что ввиду того, что в семантике глаголов поведения отсутствует сема движения, без сочетания с глаголами движения и именами, конкретизирующими место локации, они не могут выражать процесс движения.

Иногда понятийный базис движения могут «украшать» два или более экспрессивов: *Ам чиде түсті городсар. Ырах нимес тойтаңназох – базар. Харам апсах көні андар соплатча* [Хө, 2014, с.

161] ‘Добрался сейчас до города. Посеменит немножко, а там базар. Старик Харам идет прямо туда’. В данном предложении имеется два экспрессивных глагола: *тойтаңна-* и *соплат-* ‘1) бежать, ехать рысцой, трусить; *ах ой ат соплат парир* Серко (лошадь) бежит трусцой; 2) *перен.* бегать трусцой (о человеке)’ [ХРС, 2006, с. 495]. У носителей хакасского языка глагол *соплат-* ассоциируется, прежде всего, с лошадей.

Подобные глаголы со значением поведения являются экспрессивными, а сема ‘движение’ им нередко обеспечивает сочетаемость с глаголами движения *пар-* ‘идти, уходить’, *кил-* ‘приходить’, *чөр-* ‘ходить’, например: *салбаңнап пар-* ‘идти, шатаясь’, *салбаңнап кил-* ‘приходить, шатаясь’ и др. Сами же глаголы поведения в функции деепричастия выполняют роль образной характеристики процесса движения. Исключение составляет вспомогательный глагол *хал-* ‘остаться’, который изначально не является глаголом движения.

Сочетаемость нейтральных глаголов с пространственным распространителем

Семантика движения всегда связана с понятием пространства. При глаголах движения эта связь обуславливается наличием пространственного распространителя, указывающего на трассу, начальные и конечные пункты движения. Среди экспрессивных слов нужно выделять многозначные единицы, получившие статус экспрессивных во вторичных переносных лексико-семантических вариантах (ЛСВ). Рассмотрим примеры реализации таких глаголов:

чыс- ‘1) тереть, натирать, вытирать что-л.; 2) *перен. прост.* надавать как следует, проучить как следует, сильно ругать; 3) стащить, украсть, мошенничать. *Ол ахам чыс парыбыстыр* – Он мои деньги спер, оказывается’ [ХРС, 2006, с. 1015–1016]. Как видим, в данном словарном толковании глаголу *чыс-* не приписывается семантика движения, несмотря на его частотность в функции глагола движения в разговорной речи. Однако глагол *чыс-* может формально выступать комплексным выразителем понятия «движение», но, по сути, в контексте реализует различные аксиологические и метафорические образы движения: ‘укатить’, ‘удрать’, ‘отправить’ и т. д.: *Арага най кирек полза, мин пазох чыс пар килем* [Хө, 2014, с. 78] ‘Если сильно нужна будет водка, я снова **смотаюсь**’; *Мин ачых-чарых көңиліг ааллап чыс паригам* [Хч, 2022, 14 дек., с. 8] ‘Я в веселом настроении **шел** в гости’. В приведенных примерах глагол *чыс-* обозначает движение в сочетании с глаголами движения *пар-* ‘идти’, *кил-* ‘приходить’.

Использование данного глагола с аффиксом совершенного вида *-ыбыс-* требует зависимого слова в форме направительного падежа: *аалзар* ‘в деревню’, *городсар* ‘в город’, *тагзар* ‘в сторону горы’, *чазызар* ‘в поле’ и т. д., например: *Харам апсах, пенсия ахчазын алып алып, городсар чызыбысхан* [Хө, 2014, с. 160] ‘Старик Харам, получив пенсию, **укатил** в город (букв.: вытер в город)’; *Ам, ахчазын кассадаң суурып, кизилердең өдіске алып, городсар чызыбысты* [Хө, 2014, с. 130] ‘Сейчас, получив [свои] деньги из кассы, а также у людей взяв деньги в долг, **удрал** в город (букв.: вытер в город)’; *Посхын парган хара хула ат, город аразынча топлат чөрчеткенде, хайдаг-да кұр табаннар, аны тудып алып, ит комбинады теен чирзер чызыбыстырлар* [Хө, 2014, с. 121] ‘Отвязавшийся вороной конь топал по улицам города, однако какие-то молодцы, поймав его, **спровадили** в мясокомбинат’.

Глагол *чыс-* при выражении действия, происходящего в определенный отрезок времени, сочетается с зависимым словом с локальным значением в форме продольного падежа: *Ол турадаң ырах таа парбин, пір переулокча чыс париганымда, пір спортсмен осхас табан удур килир* [Хө, 2014, с. 148] ‘Когда я вышел из того дома и шел по переулку, [смотрю] крупный парень, похожий на спортсмена, идет мне навстречу’. Тем самым пространственная ориентация при всех глаголах движения выражается в форме локативных падежей: направительного, исходного и продольного.

Часто глагол *чыс-* в сочетании с вспомогательными глаголами (*пар-* ‘идти’, *хал-* ‘оставаться’) выражает дополнительные грамматические (временные) и семантические смыслы: *Позы, тізең, айлана тартып, ибінзер чыза халды* [Хө, 2014, с. 117] ‘А сам, повернувшись, **удалился** (букв.: убрался) домой’.

С аффиксом возвратного залога *-ын* и в сочетании с вспомогательным глаголом *чөр-* ‘ходить’ образуется сложная глагольная форма *чызын чөр-* с несколько трансформированным значением движения – ‘болтаться без дела’, например: *Күн тооза мында чызын чөрче* [Кча, 2012, с. 228]

‘Целыми днями тут **болтается без дела**’; *Ам киліскек хатыцах тіленчем. Кафе – ресторанныңа чызын чөрчем* [Хө, 2014, с. 172] ‘Сейчас [я] ищу подходящую бабенку. **Болтаюсь** по кафе-ресторанам’.

Глагол *чыс-* как глагол движения характеризуется субъективно-оценочным компонентом, который, несмотря на частотность в разговорно-бытовом общении, как и многие подобные ЛСВ многозначных лексем, не зафиксирован в Хакасско-русском словаре [ХРС, 2006]. Однако О. Ю. Кокошникова в семантике данного глагола впервые выявила признак «движение», включив его в подгруппу глаголов с характеристикой темпа передвижения, передающих интенсивное, стремительное движение [Кокошникова, 2004, с. 55].

сүс- ‘1) бодаться, бодать кого-л., что-л.; 2) поддевать рогами что-л.; *хамах сүзін аларға* удариться лбом обо что-л.; *чир сүзерге* класть земной поклон’ [ХРС, 2006, с. 528]. В лексикографическом описании данного глагола также отсутствует указание на возможность его использования в значении глагола движения. В ХРС дается только первичное значение данного глагола. Обычно он используется в эмоциональных высказываниях типа *иди прочь!* и выражает нежелание говорящего видеть кого-либо, например: *Сүс мыннаң* [Хө, 2014, с. 76] ‘**Иди** отсюда!’. Глагол *сүс-* часто функционирует с аффиксом понудительного залога *-тір* – *сүстір-* и в сочетании с местоимением *мыннаң* ‘отсюда’, хотя не исключается сочетание и с другими именами, например, *ибдең* ‘из дома’, *минің чуртымнаң* ‘из моего дома’, *огородсар* ‘в огород’ и т. д. Глагол *сүстір-*, в отличие от остальных нейтральных глаголов, приобретает сему ‘движение’ в результате сочетания со словами с локальными значениями ‘туда’ и ‘сюда’.

Признак принуждения к действию уже заложен в семантике основы глагола, поэтому грамматическое значение понудительного залога нейтрализуется, тем самым глаголы *сүс-* и *сүстір-* имеют одинаковый смысл: говорящий принуждает адресата / социативного объекта покинуть настоящее местонахождение: *Пілерім килбинче. Сүстір!* [Кча, 2012, с. 235] ‘И знать не хочу. **Иди прочь!**’; *Ол ла читпеен піске! Сүстірзін мыннаң!* [Кча, 2012, с. 228] ‘Только его не хватало нам. **Пусть уходит прочь отсюда**’ (ср. рус. *сматывается отсюда*). Сочетание с вспомогательным глаголом добавляет в семантику сложного глагола значение исчерпанности, завершенности действия: *сүстір парыбыс-* ‘уйти’, *сүстір кил-* ‘прийти’, *сүстіре хал-* ‘уйти [окончательно]’: *Андагда мыннаң сүстіре хал. Паза кизе айна поларын тохтат. Мал даа полба! Кізі пол!* [К, 1991, с. 204] ‘Если так, **шуруй** отсюда. И прекращай вредить людям (букв.: быть для человека чертом). И не будь животным! Будь человеком!’.

В других повествовательных и описательных контекстах использование говорящим / наблюдателем данного глагола свидетельствует:

а) о его недовольстве процессом движения: *Ниме читпин, мин сүстіргем городсар?* [Хө, 2014, с. 7] ‘Чего мне не хватило, почему я **уехал** в город?’; «*Хайда піди сүстір чөрдің, – хайни түскен Маңнай иней, – өлім соонаң на ызар кизің син*» [Пт, 1959, с. 13] ‘Где ты **шлялся**? – заворчала бабка Маннай. – Ты человек, которого можно послать только за смертью»; *Той итчелер, аннаңар неер сүстірбечең ме* [Хө, 2014, с. 32] ‘Свадьбу проводят, поэтому и **припелся сюда**’;

б) о нецелесообразности перемещения субъекта: *Оңарылзам, пазох ла ол городча сүстір чөрчем* [Хө, 2014, с. 126] ‘Когда опомнился, опять по этому же городу **брожу**, оказывается’; *Сині хыгырбаанда, нечего ааллап сүстір чөрерге* [Хө, 2014, с. 171] ‘Когда тебя не приглашали, нечего по гостям **шляться**’.

Присоединение к глаголу *сүс-* аффикса возвратного залога *-ін* показывает, что действие (перемещение) проводится в интересах самого производителя действия: *Сооңча сүзін килтір* [Кча, 2012, с. 233] ‘За тобой **припелся**, оказывается’; *Полбаан чирзер сүзіне халдым* [Кча, 2012, с. 261] ‘[Я] **смотался** туда, где никогда не был’.

Первичное значение глагола *сүс-* ‘бодать; бодаться’ наиболее ярко проявляется в контексте сложного глагола *сүсклен чөр-* ‘слоняться без дела’ (букв.: бодаться): *Кичее, тогысха парбин, нога мында сүсклен чөргезің?* [Кча, 2012, с. 229] ‘Почему вчера не ходил на работу, а здесь **слонялся** без дела (букв.: ходил бодался)?’.

Интересен факт реализации наиболее частотных многозначных глаголов, использующихся в том числе и как вспомогательные, в роли глаголов движения. Данный статус достигается ими путем

сочетания с лексемами локативной семантики в форме направительного падежа, обозначающими чаще конечный пункт движения / перемещения субъекта, например: *чазызар одырыбыс-* ‘идти / ехать в поле / степь’ (букв.: сесть на поле / степь), *аалзар тут-* ‘идти / ехать в деревню’ (букв.: держать в сторону деревни), *тайгазар сал-* ‘идти / ехать в тайгу’ (букв.: положить в тайгу). Обычно эти нейтральные глагольные единицы конституируют далекие расстояния передвижения субъекта, поэтому могут подразумевать движение на транспорте, лошади.

одыр- ‘сидеть’: во всех своих 12 ЛСВ репрезентирует действия, связанные с «сидением», среди них ни один ЛСВ не указывает на семантику движения [ХРС, 2006, с. 294–295]. Экспрессивность вторичного значения этого глагола обеспечивается исключительно за счет грамматических показателей: аффикса совершенного вида *-ыбыс-* и аффикса прошедшего времени *-хан*: *Мында хыстар абахай теенерінде, хада одырыбысхам. Клубсар киліп, ұр дее полбаанда, «иреет» читтір пиргеннер* [Чкч, 2007, с. 236] ‘Сказали, что здесь красивые девушки, поэтому [я] **приехал** (букв.: сел) сюда. В клубе [я] пробыл недолго, мне дали выпить спиртное’; *Хайдаң неер килібістім уссанабастаң. Э-э, минің мында Кабрил чеенім чуртапча ноза. Паңамнаң аны чоохтасхабыс, пот изірікте неер одырыбыстырбын* [Хө, 2014, с. 125] ‘Как же я тут оказался? Э-э, здесь же живет мой племянник Кабрил. Разговаривали о нем со свояком. Вот, когда [я] был пьяный, оказывается **примчался** (букв.: сел, оказывается) сюда’. В следующем предложении конкретизируется средство передвижения *чалаң* – ‘верхом на лошади’: *Ол кұн Көгім Хорымнарның комсомолцетері пазох чалаң одырыбысханнар* [Кх, 1983, с. 47] ‘В этот день комсомольцы Когим Хорыма снова **уехали верхом** на лошадях’. О. Ю. Кокошникова в ходе сравнительного анализа семантической структуры глагола *одыр-* ‘сидеть’ в сибирских тюркских языках отмечает, что значение ‘поехать куда-л.’ имеется только у хакасского глагола [Кокошникова, 2004, с. 115];

тут- ‘держат’: в словарной дефиниции данного многозначного глагола также не отражается сема движения. Его семантическая структура представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных на интегральных семах 18 ЛСВ: 1) держать кого-л.; 2) брать, хватать кого-что-л.; 3) ловить кого-что-л. движущееся; 4) останавливать, задерживать, удерживать; 5) править, управлять, направлять; 6) руководить, управлять кем-л.; 7) держать, владеть, управлять [ХРС, 2006, с. 670–671]. Глагол *тут-* актуализирует целенаправленность движения: *Че амды, хаңан пабазы пір кізінең андар одыңа парыбысханнарында, Пычоннаң Хапың андарох тудыбысханнар* [Ыа, 1975, с. 117] ‘Когда с [его] спутником уехали туда за дровами, Хапын и Пычон **направились** туда же (букв.: стали держать туда же)’;

сал- ‘ставить, положить’ обозначает в основном признаки физического действия, ассоциативно связанные с первоначальным значением, а также в сочетании с именами образует сложные глаголы: *нымах саларға* рассказывать сказку; употребляется для образования глаголов совершенного вида: *ал сал-* ‘купить, жениться’ [ХРС, 2006, с. 435–436]. Если словарная дефиниция данного глагола показывает всего 8 ЛСВ, то О. Ю. Кокошникова выделяет 13 его ЛСВ. Кроме того, глагол *сал-* со значением ‘очень быстро передвигаться, идти’ отнесен автором в разряд омонимов [Кокошникова, 2004, с. 91]. На наш взгляд, в качестве глагола движения, глагол *сал-* ‘ставить, положить’, как и глагол *тут-* ‘держат’, выражает движение вперед. Именно первичное значение физического действия этих глаголов послужило, видимо, мотиваторами целенаправленного движения: *Орай полғанца алнынзарох сал сыххабыс* [То, 1977, с. 70] ‘Пока не стемнело, мы **двигаемся** все **вперед** (букв.: стали ставить только вперед)’; *Анда тыннарбыс. Пазох ла, өстезіп ала, тағзарох салдыр парчабыс* [То, 1977, с. 77] ‘Там отдохнем. Опять со стонами **направляемся к горе** (букв.: ставим к горе / в сторону горы)’;

сап- ‘1) бить, ударять, хлестать, стучать; 2) в разн. знач. бить; 3) вбивать, забивать; 4) косить, жать; 5) биться (о сердце, пульсе); 6) махать, взмахивать чем-л.; 7) дуть, веять [ХРС, 2006, с. 421]. Семантика движения у данного глагола формируется путем присоединения:

а) аффикса принудительного залога *-тыр-* – *саптыр*, например: *саптыр кил-* ‘прийти’, *саптыр пар-* ‘пойти’, *саптыр чөр-* ‘ходить’. Например: *Хара шкере кизіп, тастына ыстан кизібісчезің, анаң саптыр чөрчезің аал аразынча* [Хт, 1995, с. 41] ‘Надеваешь черные шкеры, сверху еще штаны и так и **шлаешься** по деревне’; «...машина сатчам, – кўлінче Адайкоң. – А син нмее мында **саптыр**

чөрчезің?» [Хө, 2014, с. 131] «...машину продаю, – улыбается Адайкон. – А ты по какому поводу тут шляешься?»;

б) деепричастного аффикса *-а* в сочетаниях с определенными вспомогательными глаголами, например, *саптыра хал-* ‘уйти’: *Ктара, нойма, хучахтап-охсанып, саптыра халган, че апсахтың сагызы саңай сайбал чөрібіскен* [Хө, 2014, с. 144] ‘Ктаре-то что, обняла-поцеловала и смылась, а у старика все мысли сдвинулись с места’; *Пір орында ирістіг полыбысса, пасха чирзер саптыра халчам* [Хч, 18 янв. 2023, с. 9] ‘Если становится скучно на одном месте, то мотаюсь в другое место’; *Паза пір саринаң чочынчам. Ізібіссем, пазох пірее чирзер саптыра халбим* [Хө, 2014, с. 127] ‘С одной стороны побаиваюсь. Когда выпью, как бы опять не смотаться куда-нибудь’.

При помощи аффикса страдательного залога *-ыл-* от глагола *сап-* образуется глагол *сабыл-*, который в сочетании с определенными вспомогательными глаголами также дает значение движения субъекта, например: *сабыл пар кил-* ‘смотаться туда и сюда’, *сабыл парир-* ‘идти, тащиться’, *сабылып одыр-* ‘идет’, *сабыл чөр-* ‘слоняться без дела, шляться’: *Амды, тіпчелер, больница хыринда сабыл чөрче* [Кча, 2012, с. 240] ‘Сейчас, говорят, шляется возле больницы’.

В лексикографических описаниях для данного глагола и его повелительной формы *саптыр-* ‘1) получить удар; 2) страд. от *сап-* (во 2, 7 знач.)’ [ХРС, 2006, с. 446] отсутствуют ЛСВ, связанные с понятием движения.

Оформление звукоподражательной основы аффиксом повелительного залога

Далее рассмотрим многозначные глаголы с переносным значением движения, основанном на мотивации, т. е. с частичным сохранением своего семного состава. «Мотив переноса значения с экспрессивной целью следует искать не в сущностном сходстве предметно-логического типа, а в осложненно-ассоциативных связях явлений» [Матвеева, 2013, с. 76].

Известно, что звукоподражательные основы легко поддаются метафоризации и, как одни из самых продуктивных в словообразовательном отношении пластов лексической системы, часто используются как материальная основа для выражения различных процессов. В нашем случае роль глаголов движения также могут выполнять звукоподражательные глаголы, оформленные показателем повелительного залога *-т-*. У таких глаголов актуальны качественные характеристики звучания, а также другие признаки, указывающие на процесс передвижения субъекта. «В развитии образного значения от звукоподражательного наиболее характерным и существенным является замещение одних представлений другими по ассоциативной смежности. Поэтому наиболее типичным является переход от звукоподражания к представлениям о движении» [Кокошникова, 2004, с. 56]. Тем самым, имитируя звуковой строй языка, влияющий на человеческий слух, в содержании этих глаголов доминируют, прежде всего, семы ‘скорость движения’ и ‘шум, который производится при движении’. Примеры:

сыылат- повел. от *сыылырга* ‘заставить шипеть, жужжать’; *сыылатпасха* ‘не давать возможности шипеть (змеям); жужжать (насекомым); гудеть (об аппаратуре)’; *ух сыыладарга* ‘издавать свист (о пулях)’ [ХРС, 2006, с. 563]: *Ахчаң сыгар, чарымга сыылат пар кил* [Хө, 2014, с. 119] ‘Вытаскивай [свой] деньги, слетай за пол-литром [водки]’; *...аар-пеер кўлетирге хыгырзалар, пір дее тогыр полбинчам. Ол чирзер өрчїліг сыылатчам* [Хч, 2022, 14 дек., с. 8] ‘...если позовут куда-нибудь в гости, вообще не отказываюсь. Мчусь туда с радостью’;

хыылат- ‘мчаться, бежать изо всех сил’; *хозан харах-хулах чох хыылат пари* ‘заяц бежит сломя голову’ [ХРС, 2006, с. 908]: *Анаң паза иссең, хайдар-да чир көрерге хыылада халган полча* [Хө, 2014, с. 75] ‘После только узнаешь, что он умчался куда-то путешествовать’;

кўўлет- 1) повел. от *кўўлырге*; *машина кўўледерге* ‘завести машину’; 2) *перен. разг.* ‘вести машину на большой скорости’; *асфальт чолча кўўлетчем* ‘по асфальтовой дороге еду на большой скорости (быстро)’ [ХРС, 2006, с. 221]: *Ибімзер, ух ла чїли, кўўлеткем* [Хө, 141] ‘Мчался [я] домой, как пуля’.

В некоторых предложениях указывается способ / средство передвижения субъекта: *Ам, кил, машина одырып, ыр-көгнең сыылатчалар. Ирпейінің іді хылчыгастанча* [Хө, 2014, с. 132] ‘Теперь сели они в машину и мчатся с песнями. Ирпею аж щекотно внутри’; *Оралдай одырага ла маңнанган, машина ўкўс салган. Ам хандыра ла хыылат парирлар* [Хч, 3 февр. 2023, с. 7] ‘Оралдай только успел сесть в машину, как она соскочила с места. А теперь они мчатся очень быстро’. В этих

предложениях субъект и средство движения (машины) воспринимаются как единое целое. При этом в содержании глагола нейтрализуется значение каузатива / принуждения к действию. Средство передвижения может имплицировать позицию субъекта действия: *Хыринча аймах машиналар сыылада халчалар* [Хө, 2014, с. 132] ‘Возле него с шумом **носятся** машины’. Однако, если речь идет о движении только машин, то эти глаголы употребляются без показателя понудительного залога, также актуализируют признаки «скорость» и «шум»: *Одыргандох, машина Сырзар алдыра хыыли түсті* [Ит, 1986, с. 178] ‘Как только сел, машина **помчалась** в сторону Сыра’; *«Хосханах, хайдаг-да «Сапорожец» алныбысха кірче», – ачырган парды Ирепий. Ам газ хосты. «Шигулизи» сыыли түсті, алнынзар үкүс салды* [Хө, 2014, с. 132] ‘«Хосханах (межд. со значением удивления), какой-то «Сапорожец» обгоняет нас», – возмутился Ирепий. Добавил газу. Его «Шигули» со свистом **помчались** вперед’.

Как видим, названные звукоподражательные глаголы во вторичных ЛСВ выражают движение с ярко выраженным акустическим компонентом, они не утратили первоначальную мотивированность слова. К ним же мы относим еще два глагола, мотивированных от звуков природных явлений:

тычырат- понуд. от *тычыррга* ‘вызывать треск, потрескивание, хруст’ [ХРС, 2006, с. 709]. Семантика вторичного ЛСВ данного глагола, как глагола со значением движения, включает такие семы, как ‘постукивая’, ‘быстро’, ‘ногами’: *Кізілер троллейбуса одыр сыхханнарында, пір симіс хазахтың пөрігін суура тартып, тычырада халгам* [Хт, 1995, с. 44] ‘Когда люди садились в троллейбус, выхватив шапку у одного толстого русского, [я] **драпанул** прочь’;

тызырат- ‘то же, что и *тычырат-*’ [ХРС, 2006, с. 700]. Данный фонетический вариант не менее употребителен: *«Арминек! Арминек! Хайдар! Мин мындабын! Пеер!» – нанчымның соонча тызыратчам* [То, 1977, с. 66] ‘«Арминек! Арминек! Я здесь! Сюда!» – [я] **мчусь** следом за [моим] другом’;

нызырат- понуд. от *нызыррга* 1) вызывать, производить гром, грохот; *мылтых нызырадарга* разг. бабахнуть (из ружья); 2) стучать; *азахнаң пол нызырадарга* стучать ногами по полу; 3) вызывать шум; *нызырада халарга* ударить, пуститься наутек [ХРС, 2006, с. 285–286]: *Пістің страна коммунизмдер нызырат ла парчатхан* [Хө, 2014, с. 166] ‘Наша страна **мчалась** в сторону коммунизма’;

тырла- ‘1) жужжать (о насекомых); 2) гудеть (о машине); *тырлап килерге* а) идти сюда, жужжа; б) двигаться сюда, гудя; *тырлап парарга* идти (отсюда) с жужжанием [ХРС, 2006, с. 706]. При присоединении к данному глаголу аффикса понудительного залога *-т-* (*тырлат-*) формируется переносное значение ‘[с шумом] выкинуть, выгнать’: *Өзіп алсам, аны ибібістең сыгара тырладыбызам, үзөлең не чуртирбыс: мин, пабам паза Порчо* [АХ, 1982, с. 127] ‘Когда я вырасту, я **выкину** его из нашего дома, будем жить только втроем: я, папа и Порчо’.

Глагол со значением движения *тырландыр-* образован от указанной звукоподражательной глагольной основы *тырла-* при помощи аффикса возвратного залога *-н-* и аффикса понудительного залога *-дыр*. Как и многие другие экспрессивные лексемы, он отсутствует в хакасских лексикографических источниках, несмотря на свою частотность в разговорно-бытовой речи: *Итсе-де, мин ол кјскелерні турада сизінмеем дее. Пір кічицек кјскецек ле пірееде тырландыр чөре халчаң* [Хч, 15 февраль, 2023, с. 15] ‘Вообще-то я не видел этих мышей в своем доме. Только одна маленькая мышка **носила** иногда по дому’; *Оларның соонча парчам, анаң, кізілер чөрбинчеткен чирге читкенде, ікізінің дее пөриин хаап, анаң, кил, тырландыр сыххам* [Хт, 1995, с. 44] ‘Иду за ними, а когда дошли до темного переулочка, я выхватил шапки у обоих и **сиганул** отуда’.

Как показывает наш материал, звукоподражательные глаголы, во вторичных ЛСВ выражающие процесс движения, имеют свой уникальный звуковой облик, они образованы, как правило, при помощи аффикса понудительного залога *-т-*, за исключением глагола *тырландыр-*.

Дифференциальная сема ‘шум’ в номинативной семантике рассмотренных выше звукоподражательных глаголов усиливается в их переносном экспрессивном значении. А параметрически оценочный характер производного экспрессивного глагола порождает дополнительные семы ‘быстро’, ‘быстро перебирая ногами’ и т. д., что означает восприятие звуковой стороны процесса как динамической.

Также экспрессивность вторичного значения многозначного глагола может быть сформирована при смене субъекта, например:

idil- возвр.-страд. от *iderge* 1) толкаться, отталкиваться; *хаңаа idilbinche* телега не сдвигается с места; 2) двигаться (большой массой); *пуг idilche* лед трогается; *хойыг хара пулут idilip odyr* движется черная густая туча; 3) *перен. разг.* то же, что и *чалчы-* [ХРС, 2006, с. 140]. Значение движения не отражается в семантической структуре данного глагола. Однако при экспликации позиции субъекта наименованием человека, он переходит в разряд глаголов движения: *Чахсы сагааргалахтаңар, азахтары пик наспааннар. Ол оорли ла алнынзар idilgen* [Хч, 18 янв. 2023, с. 9] 'Из-за того, что еще до конца не протрезвел, он не мог ходить нормально. Он **как попало двигался** вперед'.

Рассматриваемый глагол также может принимать аффикс взаимно-совместного залога *-ic-* – *idilis-* 'двигаться [вперед] всем вместе' в случае, если позицию субъекта движения занимает одушевленное имя, выражающее группу людей: *Кизекти чылыс парган улус, иңилерінде мылтыхтыг кизилерни көр салып, чымни idilize түскеннер* [Кх, 1983, с. 37] 'Толпа людей, увидев всадников с оружием за плечами, **скупковалась** в одно место'; *Ах кинтиг чон табыс сыххан чирзер idilize түстілер* [Чт, 1972, с. 11] 'Люди в белом **двинулись** в то место, откуда слышались голоса'.

Следует отметить, что в сочетании с вспомогательным глаголом *чөр-* 'ходить' глаголы со значением движения во вторичных ЛСВ приобретают значение 'слоняться без дела, шляться', например: *сабыл чөр-, саптыр чөр-, idil чөр-* и др.: *Хандыразың, ир табан! Хайдаг айнаа idil чөрчезиң idi үр?* [Кча, 2012, с. 223] 'Ну и молодец же ты! Какого черта ты **слоняешься** тут'; *Мында idil чөргенче, парып кизи хойларын үүчіктең сыгарыбызарчыксың* [Кча, 2012, с. 207] 'Чем тут **шляться**, лучше бы выпустил с огорода соседских овец'.

Также средством создания экспрессивности глаголов со значением движения может послужить и грамматический фактор – суффиксальное оформление. Нейтральный глагол при присоединении залоговых аффиксов может иметь разные денотативные значения, меняется его сочетаемостный потенциал. Вследствие образных представлений глагол может приобретать экспрессивную насыщенность, например:

тибін- саг. 'лягаться'; см. *тебін-* [ХРС, 2006, с. 613] образован при помощи аффикса возвратного залога от основы *тип-* саг. 'пинать'; см. *теп-*; *азахнаң тиберге* 'пинать ногой' [ХРС, 2006, с. 613]: «У-у, *ястри, сірерні дее*», – *тіп түкүріп, Марлоң табырағынча тибінген аннаң* [Хө, 2014, с. 128] '«Ук, *ястри*¹, черт вас побрал», – плюнув, Марлон поскорее **зашагал** оттуда'; *Ипчимні ибде артызып, от хазаазынаң узун саптыг азыр чүктеніп, конторазар тибінчем* [Хө, 2014, с. 94] 'Оставив жену дома, из сеновала взяв вилы с длинной ручкой, [я] **направился** в сторону конторы'.

Почти все глаголы, выражающие процесс движения субъекта в своих вторичных ЛСВ, созданы на базе глаголов с нейтральной семантикой. За счет лексической мотивации в определенных словообразовательных и сочетаемостных моделях обуславливается экспрессивный эффект, важнейшим признаком которого является образность. Как отмечает В. К. Харченко: «Образность – способ лингвистического обеспечения экспрессивности – помогает воспринимающему слово представить обозначаемое этим словом явление на базе других явлений, т. е. в более широком контексте действительности» [Харченко, 1976, с. 68].

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели функционально-семантические свойства глаголов, находящихся на периферии лексико-семантической группы глаголов со значением движения. Статус глаголов движения они приобретают следующими способами:

– путем сочетания глаголов поведения с глаголами движения *пар-* 'идти, уходить', *кил-* 'приходить', *чөр-* 'ходить'. Особенность глаголов, выражающих образное движение как в первичном, так и во вторичном ЛСВ, заключается в том, что в форме деепричастия они могут сочетаться с другими глаголами движения и характеризовать процесс движения субъекта. Однако для глаголов, выражающих образное движение в первичном ЛСВ, такая связь необязательна. Сема движения в семан-

¹ *Ястри* – ругательство, выражающее сожаление.

тике этих глаголов усиливается также путем их сочетания с зависимыми именами с локальным значением и, соответственно, обуславливается целым рядом падежных форм;

– в результате сочетания многозначных глаголов с зависимыми лексемами локативной семантики. Грамматические признаки (например, аффикс совершенного вида *-ыбыс-*, залоговые и временные аффиксы), а также смена субъекта способствуют появлению экспрессивности в содержании этих глаголов;

– звукоподражательные глаголы во вторичных ЛСВ, оформленные аффиксом понудительного залога *-т-*, выражают процесс движения в быстром темпе. Исключение составляет глагол *тырландыр-*, выражающий движение (бег) в первичном ЛСВ. Дифференциальная сема ‘шум’ в номинативной семантике данных глаголов усиливается в их переносном экспрессивном значении. Параметрически оценочный характер производного экспрессивного глагола порождает дополнительные семы ‘быстро’, ‘быстро перебирая ногами’ и т. д., что означает восприятие звуковой стороны процесса движения как динамической.

В переносных значениях рассмотренных глаголов акцентируется образность движения, что приводит их в категорию экспрессивов. В их содержании присутствует коннотативный компонент, придающий им особую эмоциональную, оценочную и стилистическую окраску.

Специфичной особенностью рассмотренных глаголов является то, что в лексикографических источниках семантика движения в их толкованиях не отражена, несмотря на частотность ее реализации в разговорно-бытовом общении и в художественной литературе. Многие из них не зафиксированы вовсе. Картина осложняется тем, что для экспрессивных слов в зависимости от контекста характерна семантическая изменчивость, что ведет к неоднозначной интерпретации их семантики.

Будучи одной из самых сложных в теоретическом плане пластов лексики, экспрессивы выполняют важную роль в функционировании языка, поскольку обладают ментально-ассоциативными, образными, чувственно-эмоциональными элементами, которые доступны для понимания только лицам, владеющим языком в достаточной мере. Мы считаем, что обильность использования экспрессивной лексики в разговорно-бытовом общении есть показатель достаточно надежного владения носителями родным языком и гарантия сохранения и развития хакасского языка.

Список литературы

- Барыс-Хоо В. С.* Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 23 с.
- Безруков А. Г.* Управление глаголов движения в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. 11 с.
- Булатова Р. В.* Глаголы движения в сербскохорватском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 24 с.
- Васильева Т. Н.* Глаголы движения в современном чувашском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 1980. 213 с.
- Вежилова В. Ф.* Глаголы движения в турецком языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 4. Лексика. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 101–115.
- Востоков А. Х.* Русская грамматика. СПб: Типография И. Глазунова, 1831. 449 с.
- Дмитриев Н. К.* Глаголы движения // Строй тюркских языков. М., 1962. С. 590–598.
- Иштанова Р. К.* Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2002. 284 с.
- Кокошникова О. Ю.* Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 144 с.
- Лельхова Ф. М.* Глаголы образной характеристики движения в хантыйском языке (на материале сынского диалекта) // Финно-угорский мир. 2017. № 1. С. 6–16.
- Ломоносов М. В.* Российская грамматика. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1755. 210 с.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

Лукьянова Н. А., Черемисина М. И. Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). Новосибирск: Наука, 1986. С. 265–268.

Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2013. 173 с. [<http://hdl.handle.net/10995/28651> (дата обращения: 12. 05.2023)].

Николаева А. М. Средства выражения экспрессивности в якутском литературном языке (лексико-семантический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2006. 32 с.

Псянчин Ю. В. Лексико-семантическое поле глаголов движения в современном башкирском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 25 с.

Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 232–294.

Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю. Развитие семантики глаголов векторной характеристики движения в тюркских языках Сибири (в сравнении с другими тюркскими языками) // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2021, № 1 (34). С. 66–77.

Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Озонова А. А., Байыр-оол А. В. Глаголы движения и перемещения жидкостей и сыпучих предметов в тюркских языках Южной Сибири в ареальном освещении // Тюркские ареалы Сибири. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 245–306.

ХРС – Хакасско-русский словарь. Под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Халиков К. Глаголы движения в узбекском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Самарканд, 1967. 30 с.

Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66–71.

Черемисина М. И. Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. VIII. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1979. С. 3–11.

Чертыкова М. Д. Синонимические пересечения многозначных глаголов в хакасском языке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5–1 (56). С. 119–121.

Чешко Е. В. Словообразование глаголов движения в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1947. 210 с.

Чугунекова А. Н. Глаголы движения в хакасском языке: Учебное пособие. Абакан: Изд-во Хакасск. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. 100 с.

Шагдурова О. Ю. Образно-характеризующие значения многозначных глаголов в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11, № 9: Филология. 2012 а. С. 110–114.

Шагдурова О. Ю. Семантическая диффузность экспрессивных глаголов в хакасском языке // Наследие Н. Ф. Катанова: языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Абакан: Изд-во Хакасск. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2012 б. С. 75–77.

Шагдурова О. Ю., Тюнтешева Е. В. Лексико-семантические соответствия с образно-характеризующим значением в хакасском и алтайском языках (в сравнении с кыпчакскими языками) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 241–251.

Ярема Е. В. Глаголы движения и способы их функционирования в разносистемных языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2008. № 3. С. 59–61.

References

Barys-Khoo V. S. *Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov dvizheniya v tuvinskom yazyke (v sopostavitel'nom aspekte)* [Lexico-semantic group of verbs of movement in the Tuvan language (in a comparative aspect)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2006, 23 p. (In Russ.).

- Bezrukov A. G. *Upravlenie glagolov dvizheniya v sovremennom nemetskom yazyke* [Management of verbs of movement in the modern German language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1955, 11 p. (In Russ.).
- Bulatova R. V. *Glagoly dvizheniya v serbskokhorvatskom yazyke* [Verbs of movement in the Serbo-Croatian language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1964, 24 p. (In Russ.).
- Dmitriev N. K. Glagoly dvizheniya [Verbs of movement]. In: *Stroy tyurkskikh yazykov* [The structure of the Turkic languages]. Moscow, 1962, pp. 590–598. (In Russ.).
- Cheremisina M. I. Ekspressivnyy fond i puti ego izucheniya [Expressive fund and ways of its study]. In: *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya* [Actual problems of lexicology and word formation]. Novosibirsk, NSU, 1979, iss. VIII, pp. 3–11. (In Russ.).
- Chertykova M. D. Sinonimicheskie peresecheniya mnogoznachnykh glagolov v khakasskom yazyke [Synonymous intersections of polysemous verbs in the Khakass language]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021, no. 5–1 (56), pp. 119–121. (In Russ.).
- Cheshko E. V. *Slovoobrazovanie glagolov dvizheniya v sovremennom russkom yazyke* [Word formation of verbs of movement in modern Russian]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1947, 210 p. (In Russ.).
- Chugunekova A. N. *Glagoly dvizheniya v khakasskom yazyke: Uchebnoe posobie* [Verbs of movement in the Khakass language: A textbook]. Abakan, KhSU, 2002, 100 p. (In Russ.).
- Ishtanova R. K. Glagoly tatarskogo yazyka v semanticheskom aspekte [Verbs of the Tatar language in the semantic aspect]. Cand. philol. sci. diss. Kazan, 2002, 284 p. (In Russ.).
- Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Khakass-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Russ.).
- Khalikov K. Glagoly dvizheniya v uzbekskom yazyke [Verbs of movement in the Uzbek language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Samarkand, 1967, 30 p. (In Russ.).
- Kharchenko V. K. Razgranichenie otsenochnosti, obraznosti, ekspressii i emotsional'nosti v semantike slova [Differentiation of evaluativeness, imagery, expression and emotionality in the semantics of a word]. *Russian language at school*. 1976, no. 3, pp. 66–71. (In Russ.).
- Kokoshnikova O. Y. *Semanticheskaya struktura mnogoznachnogo glagola v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri* [Semantic structure of a polysemous verb in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, Sova, 2004, 144 p. (In Russ.).
- Lelkhova F. M. Glagoly obraznoy kharakteristiki dvizheniya v khantyyskom yazyke (na materiale synskogo dialekta) [Verbs of figurative characteristics of movement in the Khanty language (based on the material of the Sun dialect)]. *Finno-Ugric world*. 2017, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.).
- Lomonosov M. V. *Rossiyskaya grammatika* [Russian grammar]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy akademii nauk, 1755, 210 p. (In Russ.).
- Lukyanova N. A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki)* [Expressive vocabulary of colloquial usage (problems of semantics)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 230 p. (In Russ.).
- Lukyanova N. A., Cheremisina M. I. Obraznost' kak kharakteristika znacheniya slova [Imagery as a characteristic of the meaning of a word]. In: *Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika (na materiale yazykov raznykh sistem)* [Syntactic and lexical semantics (based on the material of languages of different systems)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, pp. 265–268. (In Russ.).
- Matveeva T. V. *Ekspressivnost' russkogo slova* [Expressiveness of the Russian word]. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2013, 173 p. [<http://hdl.handle.net/10995/28651>. (accessed 12.05.2023)]. (In Russ.).
- Nikolaeva A. M. *Sredstva vyrazheniya ekspressivnosti v yakutskom literaturnom yazyke* [Means of expressing expressivity in the Yakut literary language (lexico-semantic aspect)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yakutsk, 2006, 32 p. (In Russ.).
- Psyanchin Yu. V. *Lekiko-semanticheskoe pole glagolov dvizheniya v sovremennom bashkirskom yazyke* [The lexical and semantic field of verbs of movement in the modern Bashkir language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1990, 25 p. (In Russ.).
- Tenishev E. R. Glagoly dvizheniya v tyurkskikh yazykakh [Verbs of movement in Turkic languages]. In: *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the vocabulary of Turkic languages]. Moscow, AN SSSR, 1961, pp. 232–294. (In Russ.).

Tyuntseva E. V., Shagdurova O. Yu. Razvitie semantiki glagolov vektornoy kharakteristiki dvizheniya v tyurkskikh yazykakh Sibiri (v sravnenii s drugimi tyurkskimi yazykami) [The development of the semantics of verbs of vector characteristics of movement in the Turkic languages of Siberia (in comparison with other Turkic languages)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2021, no. 1 (34), pp. 66–77. (In Russ.).

Tyuntseva E. V., Shagdurova O. Y., Ozonova A. A., Bayyr-ool A. V. Glagoly dvizheniya i peremeshcheniya zhidkostey i sypuchikh predmetov v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri v areal'nom osveshchenii [Verbs of movement and movement of liquids and bulk objects in the Turkic languages of Southern Siberia in areal illumination]. In: *Tyurkskie arealy Sibiri* [Turkic areas of Siberia]. Novosibirsk, Akademizdat, 2022, pp. 245–306. (In Russ.).

Shagdurova O. Y. Obrazno-kharakterizuyushchie znacheniya mnogoznachnykh glagolov v khakasskom yazyke v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri [Figurative-characterizing meanings of polysemous verbs in the Khakass language in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2012 a, vol. 11, no. 9: Filologiya [Philology], pp. 110–114. (In Russ.).

Shagdurova O. Yu. Semanticheskaya diffuznost' ekspressivnykh glagolov v khakasskom yazyke [Semantic diffuseness of expressive verbs in the Khakass language]. In: *Nasledie N. F. Katanova: yazyki, istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya): Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Heritage of N. F. Katanov: Languages, History and Culture of the Turkic peoples of Russia (to the 150th anniversary of his birth): Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation]. Abakan, KhSU, 2012 b, pp. 75–77. (In Russ.).

Shagdurova O. Yu., Tyuntseva E. V. Leksiko-semanticheskie sootvetstviya s obrazno-kharakterizuyushchim znacheniem v khakasskom i altayskom yazykakh (v sravnenii s kypchakskimi yazykami) [Lexical and semantic correspondences with figurative and characterizing meaning in the Khakass and Altai languages (in comparison with the Kipchak languages)]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 4, pp. 241–251. (In Russ.).

Vasil'eva T. N. Glagoly dvizheniya v sovremennom chuvashskom yazyke [Verbs of movement in the modern Chuvash language]. Cand. philol. sci. diss. Cheboksary, 1980, 213 p. (In Russ.).

Veshchilova V. F. Glagoly dvizheniya v turetskom yazyke [Verbs of movement in the Turkish language]. In: *Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov* [Studies on the comparative grammar of the Turkic languages]. Moscow, AN SSSR, 1962, pt. 4. Leksika [Vocabulary], pp. 101–115. (In Russ.).

Vostokov A. Kh. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. St. Petersburg, Tip. I. Glazunova, 1831, 449 p. (In Russ.).

Yarema E. V. Glagoly dvizheniya i sposoby ih funkcionirovaniya v raznosistemnykh yazykakh [Verbs of motion and ways of their functioning in different system languages]. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts."* 2008, no. 3, pp. 59–61. (In Russ.).

Список источников

АХ – *Топанов А.М.* Алаахтыртхан Хорхло // Хызыл чазы. Абакан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядагы пөлігі. 1982. С. 105-169.

Ит – *Татарова В. К., Топоев И. П., Чапрай А. И. (Котомежков) и др.* Иртенгі тан (Утренний ветерок). Повесть и рассказы на хакас. языке. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. книжн. изд-ва. 1986. 184 с.

К – *Митхас Туран.* Камат: пьесалар. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. книжн. изд-ва. 1991. С. 176–218.

Кх – *Нербышев К.* Көгім хорымнарды. Роман. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. книжн. изд-ва. 1983. 207 с.

Кча – *Топоев Ю.* Көңнім чайгам айабин... Любовь дарил, не жалея. Пьесы, рассказы, стихи, очерки. На хакасском языке. Абакан: Хакас. книжн. изд-ва. 2012. 400 с.

Пт – *Чарков С.* Пастагы таныстарым. Чоохтар. Абакан: Хакасиядагы книга издательствозы. 1959. 82 с.

То – *Бурнаков Ф.* Тигір оды. Повесть. Абакан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1977. 138 с.

Хө – *Топоев И.* Хоңалтых өдік – 2. Хормачы чоохтар. Сборник юмористических рассказов на хакасском языке. Абакан: Дом литераторов Хакасии. 2014. 188 с.

Хт – *Топоев И.* Той // Хан тигір. Хоос литература альманағы. Ағбан: Хакас книга издательствозы. 1995. С. 39–341.

Хч – *Хакас чирі.* Хакас Республиканың газетазы. 14 декабрь 2022. С. 8.

Хч – *Хакас чирі.* Хакас Республиканың газетазы. 18 январь 2023. С. 9.

Хч – *Хакас чирі.* Хакас Республиканың газетазы. 3 февраль 2023. С. 7.

Хч – *Хакас чирі.* Хакас Республиканың газетазы. 15 февраль 2023. С. 15.

Чт – *Бурнаков Ф.* Читон тайма. Абакан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1972. 52 с.

Чкч – *Чарых кўнниг чирім.* Солнечный мой край. Сб. художеств. произв. хакас. авторов. Сост.: А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. 348 с.

Ыа – *Доможаков Н. Г.* Ыраххы аалда. В далёком аале. Роман. Ағбан: Хызылчар книга издательствозының Хакасиядағы пөлігі. 1975. 255 с.

List of sources

Burnakov F. *Čiton tayma* [Seventy jokes]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1972, 52 p. (In Khak.).

Burnakov F. *Tigir odī. Povest'* [Rainbow. The story]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1977, 138 p. (In Khak.).

Čarix künniḡ čirim. Sb. khudozhestv. proizv. khakas. avtorov [My sunny land. Coll. of artistic works by Khakass authors]. A. E. Sultrekov, L. V. Cheltygmasheva, N. S. Mainagasheva (Comps.). Abakan, Khakas. Publ. House, 2007, 348 p. (In Khak.).

Charkov S. *Pastagī tanīstarīm* [First acquaintances. Stories]. Abakan, Khakas. Publ. House, 1959, 82 p. (In Khak.).

Domozhakov N. G. *Īraxxi aalda. Roman* [In a distant village. Novel]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1975, 255 p. (In Khak.).

Mithas Turan. *Kamat* [Kamat: A collection of plays]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1991, pp. 176–218. (In Khak.).

Nerbyshev K. *Kōḡim xorimnardi.* Roman [By the blue cliffs. Novel]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1983, 207 p. (In Khak.).

Tatarova V. K., Topoev I. P., Chapray (Kotozhekov) A. I. and others. *Irtengi tan. Povest' i rasskazy na khakas. yazyke* [The morning breeze. A novel and short stories in the Khakass language]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd. 1986, 184 p. (In Khak.).

Topanov A. M. *Alaaxtırtxan Xorxlo* [The Fooled Horkhlo]. In: *Xizil čazi* [The red steppe]. Abakan, Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd. 1982, pp. 105–169. (In Khak.).

Topoev Y. *Kōḡnim čaygam ayabin. P'esy, rasskazy, stikhi, ocherki. Na khakasskom yazyke* [He gave love without regret. Plays, short stories, poems, essays]. Abakan, Khakas. Publ. House., 2012, 400 p. (In Khak.).

Topoev I. *Xoḡaltix ödik – 2.* Sbornik yumoristicheskikh rasskazov na khakasskom yazyke [Chatterbox – 2. A collection of humorous stories in the Khakass language]. Abakan, Dom literatorov Khakasii, 2014, 188 p. (In Khak.).

Topoev I. Toy [The wedding]. In: *Khan tigir. Khoos literatura al'manaḡy* [Universe. Literary art almanac]. Abakan, Khakas. Publ. House, 1995, pp. 39–341. (In Khak.).

Xakas čiri [The land of Khakass]. *Khakas Respublikanyḡ gazetazy.* December 14th, 2022, p. 8. (In Khak.).

Xakas čiri [The land of Khakass]. *Xakas Respublikaniḡ gazetazi.* January 18, 2023, p. 9. (In Khak.).

Xakas čiri [The land of Khakass]. *Xakas Respublikaniḡ gazetazi.* February 3, 2023, p. 7. (In Khak.).

Xakas čiri [The land of Khakass]. *Xakas Respublikaniḡ gazetazi.* February 15, 2023, p. 15. (In Khak.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
16.06.2023

Сведения об авторе

Чертыкова Мария Дмитриевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

E-mail: chertikova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7467-4388

Information about the Author

Maria D. Chertykova – Doctor of Philology, Leading Researcher, Research Institute of Humanities and Sayano-Altay Turkology of the Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: chertikova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7467-4388